

Из читательских автобиографий

В № 1 нашего журнала за 2015 год, в статье Н.Е. Добрыниной «Удивительное создание человека — книга!» (С. 51—53) содержится предложение читателям рассказать о роли книги и чтения в их жизни и прислать в редакцию свои читательские автобиографии. Среди полученных нами интересных рассказов на эту тему мы публикуем четыре: из России, Беларуси и Узбекистана. Благодарим читателей за отзывчивость и ждем новых историй о знакомстве с книгами.

Чтение — освоение космического пространства

Я родилась в конце 1950-х гг. в семье работников связи в небольшом белорусском городе. С раннего детства помню, что в семье царил свободная, веселая атмосфера общения, а на главном месте, в углу наискосок, стояла деревянная этажерка с книгами. Было много пластинок, имелась радиолка. Выписывались газеты: «Известия» и городская.

По словам мамы, войдя в комнату, она не раз застала такую картинку: папа читает газету, а маленькая Людочка копирует его, усердно шурша страницами... Из первых книг детства — устные: мамини колыбельные и прибаутки, стихи и песни по радио, чтение в детском саду стихотворной классики (Барто, Маршак, Чуковский) и сказок.

Дома книги для меня появлялись бессистемно и были в основном подарками — от родственников, соседей, сослуживцев родителей. Это отражало несколько беспечный дух «хрущевской оттепели» и сильную занятость родителей на работе. К тому же они были происхождением из села, где к книге, как известно, относятся ревниво: как бы не помешала извечному труду земледельца!.. Но в целом свой небольшой детский «книжный мир» у меня был — книг увесистых, пахнувших типографской краской, шуршащих при чтении на ветру во дворе... А главное, я с раннего детства узнала, что книга — это подарок. Через десятилетие об этом говорили совсем по-другому, насмешливо: «лучший подарок — дешевый ведь!» В Советском Союзе книги, действительно, стоили относительно дешево, но для многих моих сверстников, как теперь стало ясно, на всю жизнь они остались самыми дорогими воспоминаниями.

У меня до школы было много сказок разных народов в переводе на русский язык. Имелись даже интересные польские иллюстрированные издания с движущимися персонажами.

Читать я научилась еще до школы, в 1962 г., ко времени открытия эры космонавтики. Помню это чувство свободы, полета, самостоятельного поиска смысла

округленных и угловатых буквенных линий. Учил меня «читать-летать» дядя Гриша, младший брат отца, по букварю из домашней библиотеки родственника, директора сельской школы. Постепенно, по буквам и картинкам... Но я тайком забежала на следующие страницы букваря, чтобы самой угадать завтрашнюю букву. Так что чтение у меня до сих пор ассоциативно связывается с освоением космического пространства и личной инициативой. А также — с радостью!

Благодаря усвоенным навыкам чтения я пошла в школу неслыханно для того времени рано — в шесть лет, и была в классе такая одна. Можно сегодня сказать, благодаря книгам, мне повезло опередить время.

Когда в первом классе нас всех привели и записали в городскую библиотеку — красивое двухэтажное здание, с центральной лестницей, покрытой бордовым ковром, — это тоже стало важным событием в жизни. Нас приобщили к огромному взрослому миру, таящемуся между высокими стеллажей, под крышками книжных переплетов. К авторитету родителей и первой учительницы добавился авторитет библиотекаря. К тому же он казался мне волшебником. Любимыми были, конечно, сказки, особенно, как я сейчас вижу, сочиненные и обработанные профессиональными писателями: «Аленький цветочек», «Волшебник Изумрудного города», «Незнайка в Солнечном городе», «Приключения Буратино», «Сказка о потерянном времени», а также дополнительная литература по школьным предметам, что в старших классах помогло мне определиться с будущей профессией.

Кстати, само здание библиотеки с книжным фондом для детей на первом этаже, а для молодежи и взрослых на втором, белоснежными шторами-маркизами на высоких окнах актового зала, было наглядным воплощением главных жизненных правил для формирующейся души подростка: кто много знает, наверху обитает; жизнь — это красивый многоэтажный дом, который иногда требует ремонта.

Подарками в виде книги (или стопки книг) в 1960-е и 1970-е гг. награждались и дети в школе, и их родители в конторах или на предприятиях. Помню, отцу моему к 40-летию подарили, как тогда говорили, «от работы», в дополнение к почетной грамоте, прекрасные тома избранных сочинений А. Чехова, И. Тургенева, а еще книгу «Люди особого склада» белорусского автора В. Козлова. Платя и брюки из «отрезов», которые дарил раньше, уже сносились, а книги до сих пор остались в домашней библиотеке, войдя вместе с нами в новое тысячелетие.

Сейчас понятие «домашняя библиотека» стало многозначным: электронные технологии, пришедшие в нашу жизнь на смену автоматическим, механическим и другим, устаревшим и слишком медленным, породили такие реалии, как «электронная книга», «электронный редактор», «электронная библиотека». Но в силу возраста и прорастающих вглубь прежних, состоявшихся, вековых традиций я по-прежнему предпочитаю традиционную книгу, шуршащую крыльями страниц газету,

ласкающий глаз картинками иллюстрированный журнал. Их электронные варианты, на мой взгляд, хороши для современной работы: быстрого ознакомления, перелетки, отправки другому пользователю.

В самом русском слове «книга» заключено звучание и значение чего-то традиционного (сравните: «книга», «кинг», «конунг», «князь») — такого как «королевская власть», «аристократия», «культура», «традиция», «честь» и «честность», «почести». Читать традиционную книгу — это делать нечто по-королевски, традиционно, пусть и медленно. Надеюсь, еще много веков традиционная книга будет существовать наряду с электронной, как королевские династии Европы и Азии существуют в наше время.

Читательские интересы моих близких и знакомых людей сегодня настолько разнообразны, насколько разнообразен и пестр современный мир, мобильный и переполненный электронной информацией, с внедрением новейших технологий как-то в одночасье ставший маленьким, как волшебный кристалл...

Но мне кажется, что именно прочитанные в детстве сказки формируют мое современное восприятие жизни. И ведь оно — не из худших!

О себе. Женщина, 58 лет, высшее филологическое образование, библиотекарь, г. Минск (Республика Беларусь).

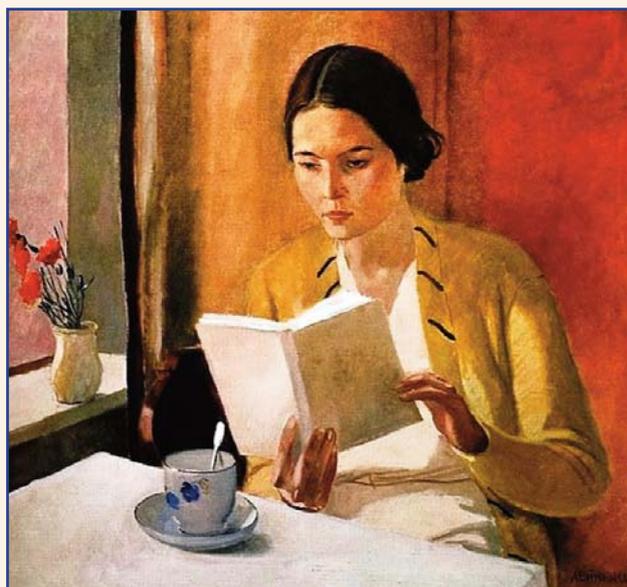
Людмила Даниловна Сильнова,
ведущий библиограф научно-исследовательского отдела книговедения
Национальной библиотеки Беларуси

Для ума, для души, для дела

«Чтение — это один из истоков мышления и умственного развития», — писал педагог В.А. Сухомлинский.

Когда твой возраст дает тебе право на воспоминания, начинаешь анализировать пережитое и делать выводы... или не делать...

Могу сказать, что книги сопровождают меня практически всю жизнь. Я научилась читать в три с половиной года. Это было во время войны, когда мама, брат и я были в эвакуации. Мы жили в деревне в Челябинской области. Из книг мне был доступен только чей-то старый «Букварь». Собственно, по нему я и училась читать. Когда мы вернулись в Москву, наш детский дворовый коллектив, состоявший из детей примерно одного возраста, дружно включился в чтение книги Е. Ильиной «Пушистый гость». Мы читали ее всем подъездом, передавая друг другу, как эстафетную палочку. Чтение сопровождалось бурными обсуждениями. Это вынуждало нас читать быстро: ждали и торопили следующие по очереди читатели. Это была одна из первых самостоятельно прочитанных книг. Таким же образом мы читали и другие книги, которые могли достать, не особенно выбирая авторов и названия. Это спланировало наш читательский кружок. На всю жизнь запомнила книги: Е. Кононенко «Маленькие испанцы», Б. Балаш «Генрих начинает борьбу», Ш. Руствели «Витязь в тигровой шкуре». В это же время

Портрет девушки с книгой. Худ. А. Дейнека.
1934 г. Государственный Русский музей.
Санкт-Петербург.

появился интерес к сказкам различной этнической принадлежности. Я их потом собирала всю жизнь.

Так все и началось. Когда уже пошла в школу, то кроме обязательных для чтения книг по программе с удовольствием читала книги А.П. Гайдара, Л.А. Кассиля, В.П. Катаева, Ч. Диккенса и, так же, как и все подростки, романы А. Дюма, М. Дрюона и др. Через несколько лет в круг чтения вошли книги С. Цвейга и Ги де Мопассана и многие-многие другие.

К старшим классам потребовалась дополнительная литература по всем предметам. Здесь началось увлечение научной и научно-популярной литературой. Молчаливые книги делились своими тайнами, обогащая новыми знаниями. Они были и друзьями, и спарочниками. Всегда добрым словом вспоминаю все книги Я. Перельмана: «Занимательная математика», «Занимательная арифметика», «Занимательная алгебра», «Занимательная геометрия», «Занимательная физика» и др. К этому же ряду книг относятся книги В.А. Обручева: «Земля Санникова», «В джунглях Центральной Азии», книги А.Е. Ферсмана: «Воспоминания о камне», «Занимательная минералогия», «Занимательная геохимия», «Рассказы о самоцветах», «Путешествие за камнем» и др. Я благодарна книгам А. Азимова, И. Шкловского и многим другим. Я и сейчас люблю эти книги и готова читать их с любого места. К сожалению, невозможно даже перечислить всех авторов, книги которых были постоянными и верными помощниками.

Среди книг, которые всегда окружали меня, было много энциклопедий, математических справочников, а также изданий по программированию. Исторически сложилось так, что у нас дома всегда были нужны медицинские справочники, которым я тоже очень благодарна.

Кстати о болезнях. В детстве и юности я достаточно много болела, и в семье сложилась необычная традиция: я «страдала» и лежала в постели, а мой старший брат читал вслух книги. Так мы прочитали почти всего А.П. Чехова, А.С. Макаренко, Шолом-Алейхема и др.

Я считаю, что это было самым действенным лекарством. К сожалению, мы не успели дочитать «Введение в индийскую философию»...

Студенческие годы связаны с огромным интересом к поэзии. Это были годы на рубеже пятидесятих-шестидесятых, когда широкую известность приобрели поэтические сборники Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной, Р. Рождественского. Интерес к ним был всеобщим. Я запоем читала стихи русских и советских поэтов, сборники восточных авторов: О. Хайяма, Саади, Фурката, Рудаки, Фирдоуси и других, а также В. Шекспира, Д. Байрона, Р. Бернса, Г. Аполлинера. Вообще все, что удавалось достать. Полюбила стихи В. Тушновой. С того времени сохранился интерес к японской и китайской поэзии.

Немного позже, когда приоткрылась небольшая «щелочка» для литературы, о которой мы даже не слышали, стали знакомиться с американскими, английскими, латиноамериканскими, испанскими писателями, а также с советскими авторами, которые ранее были, мягко говоря, «нежелательны». Их печатали «толстые» литературные журналы. В те годы было почти неприлично не следить за публикациями в журналах. Оттуда пришли А. Солженицын, И. Бродский, Д. Сэлинджер, К. Воннегут, А. Хейли и др. Вместе с книгами расширялся кругозор и жизненный опыт, происходило взросление.

Большая радость, когда есть возможность обсудить книги с друзьями. Я бы сказала, что это выявляет единомышленников и помогает раскрыть незамеченные тонкости и особенности прочитанных книг.

Сложившаяся привычка к чтению, и часто даже не одной, а нескольких книг параллельно, позволяла удовлетворять и потребность ума, и потребность сердца.

Моя работа всегда требовала освоения большого количества специальной научной литературы по математике, по программированию. Требовалась и литература по психологии для правильной организации климата в рабочем коллективе.

Потребность сердца удовлетворяется глубокой художественной литературой, поэзией чувств, а также романтической литературой, рассказами о приключениях, путешествиях. Вместе с героями этих книг мы переживаем, радуемся и ждем благополучной развязки.

Я всегда любила хорошие детективы, начиная с классики жанра: А. Конан-Дойль, А. Кристи, Р. Стаут и т. п. Среди современных детективных романов, которые довелось прочитать, также встречаются удачные, однако, не всегда они отмечены высокими художественными достоинствами.

И хотя многие книги такого жанра далеки от литературных шедевров, тем не менее они помогали в трудных жизненных ситуациях уйти от действительности, и спасибо им за это.

Хотелось бы отметить и особое чувство — это сладостное предвкушение, ожидание чего-то нового от книги. Оно приносит не меньшую радость, чем само чтение.

Так получилось, что, когда я уже стала пенсионеркой, мне довелось поработать в библиотеке математического факультета педагогического университета, то есть непосредственно общаться с читателями. Я всегда верила, что книги учат нас быть добрее, мягче и внимательнее друг к другу. А это уже немало.

Программист (Москва)

Жизнь оказалась длиннее моей памяти... Я, правда, не помню, во сколько лет, в каком классе или году рыдала над судьбой Артура в романе «Овод», хохотала над Гаргантюа, не спала ночи вместе с Наташей Ростовской, «ревоплощалась» в Елену Стахову, до самозабвения влюбленную в Инсарова. Правда, не помню. Зато точно знаю, что, сколько себя помню, ни дня не жила без книжки.

Родилась я в молодом городе Сталиногорске (ныне Новомосковск) в семье «свеженьких» специалистов, в которой только начали складываться традиции и еще не было книжных полок. Но стояла этажерка, интенсивно пополняемая детскими книгами, которые мне читали ежедневно. Это были те же дивные авторы, на которых выросло не одно поколение — Чуковский, Барто, Михалков, Бианки, произведения которых, спустя годы, я читала сыну, внучке, а теперь и правнуку. Всем младшеньким повезло еще больше — появился Винни Пух Милна в великолепном переводе Заходера, который покорила детей, и взрослых. Прекрасным подарком малышне стал Э. Успенский с его крокодилом Геней, старухой Шапокляк и прочими забавными персонажами, перенесенными, к тому же, на экран. Эти детские книжки я не исключаю из своего круга чтения, они поднимают настроение вдвойне, ибо видишь, какую радость приносят ребенку. Как быстро и как надолго, вероятно навсегда, детишки запоминают эти воздушные стихотворные строчки. Наряду с Винни Пухом на прикроватной тумбочке моего сына в свое время появился «Петр Первый» Алексея Толстого, а спустя два-три года — толстенный однотомник Гоголя, задержавшийся там надолго.

Вот как бывает на свете — сын ненавязчивым личным примером побудил меня читать и перечитывать Гоголя, увидеть в нем прозаика такого высочайшего уровня, который практически недостижим. И лишь сравнительно недавно я получила такое же удовольствие от гоголевского стиля, прочитав «Метель» В. Сорокина.

Но вернемся к истокам моей читательской жизни. Началась война, и стало понятно, что в родной город меня не отправят: останусь в подмосковном селе Пушкино — «ведь к Москве немцев не пропустят». Меня манило единственное в селе красивое двухэтажное здание, облицованное белым и голубым кафелем с таинственной (как мне казалось) надписью «Библиотека». Однажды, вероятно, в августе 1941 г., я туда вошла и... осталась на долгие 11 лет. Пушкинская районная детская библиотека стала поистине моим вторым домом. Мы — дети войны от 6 до 10 лет, образовав группу единомышленников, проводили здесь большую часть дня — читали, рисовали на полях обрезанных газет, разучивали стихи и песни. С нами занимались библиотекари — красивые высокообразованные сестры-грузинки. Они воспитывали вкус к чтению и творчеству. Подспудно, как я поняла позже, был еще один важный мотив практически ежедневно по много часов находиться в библиотеке — за занятиями забывался голод.

Сначала брала книги по рекомендации библиотекаря, потом о хороших книгах узнавали друг от друга. Не забуду того радостного дня, когда мне разрешили проходить через барьер, открывать шкаф «золотого фонда» и брать оттуда лучшие детские книги. Некоторые

из них дома при «коптюшке», а потом, когда маме помогли достать керосиновую лампу, я читала вслух бабушке и сестренке («Корттик» и «Бронзовую птицу» Рыбакова, книгу о Мересьеве Б. Полевого и др.).

С класса пятого-шестого я начала собирать свою библиотеку. Бабушка с каждой пенсии выдавала мне целевым назначением рубль на книги. Я ходила пешком в город Пушкино, за четыре километра от дома, где был (по-моему, есть и теперь) большой красивый книжный магазин. Уже тогда покупала и заказывала (и, только подумать, мне оставляли!) те книги, которые буду читать и перечитывать не один раз.

Началось с И.С. Тургенева, романы которого выходили отдельными книжками. Постепенно я собрала их все. Читала неотрывно в любую незанятую минуту — чаще других «Накануне» и «Рудин». Позже, поскольку самозабвенно полюбила театр, а уроки делала под радиопостановки спектаклей и записи опер, начала собирать книги о театре и выдающихся актерах прошлого. В доме стоял книжный шкаф, который постепенно стал заполняться литературой — появились тома Пушкина, Маяковского и, конечно, «Война и мир» Толстого. Вероятно, так поступают многие девочки: с волнением и восторгом «проглотила» «мир», спокойно пропуская «войну». Потом заставила себя читать «войну». И только с третьего захода читала роман подряд. Все это было в старших классах школы, а по жизни гениальную эпопею перечитывала и целиком, и «кусками» много-много раз. Прочитав романы впервые в юношеском возрасте, не единожды перечитывала их, каждый раз открывая новое и заново переживая судьбу героев.

Тетушка, работавшая в Государственной научной библиотеке, иногда получала премии прекрасными книгами. Помню трехтомник «Люди русской науки», которым я зачитывалась, пока не выбрала «любимцев», статьи о которых перечитывала десятки раз — математик Ковалевская, архитекторы Баженов, Казаков...

Мне нравилось читать, вернее изучать, статьи Белинского. Понимала, какое колоссальное значение статьи великого критика имели для авторов и как влияли на развитие отечественной литературы. Меня же они побуждали к недетским размышлениям, что называется, к труду души. Интересно, а есть ли сегодня «белинские», «писаревы», «добролюбовы»? Разве не нужны?

В школе меня считали начитанной девочкой. Но мне же казалось, что читала я не так уж много, к тому же довольно медленно, вероятно, потому, что каждый герой «имел» свой голос. Иногда это был голос актера из спектакля, иногда наделяла его чьим-то голосом сама.

Читала я только хорошую литературу, многое помнила почти дословно, применяя к месту. Уже будучи на пенсии, когда писала статью о библиотечной мемуаристике и наткнулась на напутствие, которое дал в письме отец своей дочери М.И. Рудомино*, к ее 15-летию: «...читай хорошие книги избранных писателей, в которых ты почерпнешь и познаешь житейскую мудрость... Не теряй напрасно времени на чтение книг без всякого разбора по содержанию таковых. Это напрас-

* М.И. Рудомино (1900–1990) — советский библиотековед, основатель и директор Государственной библиотеки иностранной литературы.

ная трата времени, и помни, что книга плохого содержания оставляет в юной душе плохой отпечаток, а хорошая — хороший» (Рудомино М.И. Моя библиотека / М.И. Рудомино. — М., 2000. С. 50).

В моем раннем чтении преобладала отечественная классическая литература, гораздо меньшее место занимала современная проза. И очень мало читала зарубежных классиков. Но была на всю жизнь очарована Парижем, читая Бальзака. Диккенс, Теккерей «пришли ко мне» в 10 классе. По-настоящему глубоко тронула «Сага о Форсайтах» Голсуорси.

Кто-то подсчитал, что, учась в библиотечном институте, надо было прочитывать не менее 300 страниц в день. Конечно, пришлось научиться читать «по диагонали», что вовсе не позволяло насладиться авторским стилем. А для меня стиль художественной прозы не менее важен, чем сюжет. Поэтому, освободившись от институтской гонки, немало достойнейших произведений читала, как первый раз: трагедии Расина, «Кандид» Вольтера, «Илиаду» и «Одиссею» Гомера. Хотелось бы назвать многое из прочитанного, что давало пищу уму и волновало сердце.

Теперь, пожалуй, о самом важном, что может дорисовать мой читательский портрет.

Душевно привязана к лирике. Когда в доперестроечные годы открывала свежий номер журнала «Юность», прежде всего читала стихи Евтушенко, Вознесенского, Ахмадулиной. Как правило, наряду с книгой текущего чтения непременно выбираю кого-то из любимых поэтов, чаще других — Цветаеву, Пастернака или Мандельштама. Когда гуляю в лесу или сижу в саду на даче, то по памяти читаю стихи — и те, что запомнила взрослой, и из далекой юности, которые некогда читала в библиотеке, в госпиталях для раненых, на школьных вечерах, в клубах и дворцах культуры, на институтской сцене.

Как большинство соотечественников, особенно люблю Пушкина, его лучезарный стих, скрытый юмор, обширность знаний. Чаще других перечитываю главы из романа «Евгений Онегин», которые некогда знала наизусть.

А.П. Чехов — один из самых любимых авторов, который всегда со мной. Девятый том сочинений, где напечатаны пьесы, зачитала почти до дыр.

В заключение поделюсь тем из прочитанного, что оставило глубокий след в последние годы. Это «Подстрочник» Л. Лунгиной и «Ложится мгла на старые ступени» А. Чудакова. Их хочется перечитывать. Д. Рубину не пропускаю — читала, наверное, все. Сильное впечатление оставили ее книги «Белая голубка Кордовы», «Вот идет Мессия» и «Русская канарейка». Романы Д. Быкова не потрясли, а вот биографии в серии «Жизнь замечательных людей», особенно «Пастернак», хочется иметь дома.

А сколько хороших книг еще не прочитано, но надо обязательно... В ближайших планах — А. Перес-Реверте «Кожа для барабана, или Севильское приглашение», «Мыс Трафальгар» и В. Сорокин «Теллурия». Перечитать бы «Степного волка» Г. Гессе, исторические биографии А. Труайя, да и, конечно, Достоевского. Желания, желания... Главное, сохранить глаза, чтобы читать. А читать для меня — значит жить!

Библиотекарь (Московская область)